

Родльд Ддаль

ДЖЕЙМС И ЧУДО-ПЕРСИК

СКАЗОЧНИК
№ 1
В МИРЕ

Иллюстрации Квентина Блейка

ЗНАКОМЬТЕСЬ...

Джеймс
Генри
Крузо

Тетя Пика,
тетя Плюха

Старый
Зеленый
Кузнечик

Многоног

Мисс
Паук

Шелковичник

Червяк

Жук-Светляк

Божья Коровка

Роберт Далъ

ДЖЕЙМС И ЧУДО-ПЕРСИК

Перевод с английского
Елены Суриц

Иллюстрации
Квентина Блейка

МОСКВА САМОКАТ

УДК 821.111-34-93 Даль Р.
ББК 84(4Вел)-4
Д15

Серия «Роальд Даль. Фабрика сказок»

Даль, Роальд.
Д15 Джеймс и Чудо-Персик: [для сред. шк. возраста] / Роальд Даль ; пер. с англ. Елены Суриц ; ил. Квентина Блейка ; [предисл. Ольги Мязотс]. — М. : Самокат, 2013. — 176 с. : ил. — (Серия «Роальд Даль. Фабрика сказок»). — Доп. тит. л. англ. — ISBN 978-5-91759-146-9.

У Джеймса Генри Круизо погибают родители, и с этого момента его жизнь круто меняется. Он переезжает к своим тетям — Пике и Плюхе, которые заставляют его работать круглыми сутками, не кормят и всячески унижают. Мальчик несчастен. Но однажды с ним приключается невысказанно странная вещь, в результате чего на персиковом дереве во дворе вырастает гигантский Чудо-Персик. И тут начинаются приключения! И Джеймса ждут настоящие друзья, которые помогут ему осуществить заветные мечты.

УДК 821.111-34-93 Даль Р.
ББК 84(4Вел)-4

Любое использование текста и иллюстраций разрешено только с письменного согласия издательства. Защита прав и интересов ИД «Самокат»:
ООО Юридическое агентство «Копирайт» www.juragent.ru.

This edition published by arrangement with David Higham Associates Ltd and Synopsis Literary Agency.

This edition published by arrangement with A P Watt Limited and The Van Lear Agency.

James and the Giant Peach –
Copyright © Roald Dahl Nominee Ltd., 1961
Illustrations Copyright © 1995 by Quentin Blake
© Суриц Е.А., перевод на русский язык, 2012
© Мязотс О.Н., предисловие, 2012
© Издание на русском языке.
ООО «Издательский дом «Самокат», 2013

ISBN 978-5-91759-146-9

Бесстрашный Роальд Даль

Книги английского писателя Роальда Даля (1916–1990) вот уже более полувека прочно удерживаются в списке бестселлеров не только в англоязычных странах, но и по всему миру. Его детские произведения, пронизанные духом бунтарства и буйной фантазией автора, просто обожают юные читатели.

Взрослые это пристрастие никогда особенно не одобряли. И не удивительно: детский бунт в книгах Даля всегда направлен против мира взрослых — неуютного для ребенка, жестокого и лицемерного. С первых же книжек заподозрив в Дале опасного врага, взрослые — учителя, критики, родители — ополчились на «вредного» писателя, но отрицать его очевидного таланта не могли. «Ни один современный детский писатель не может сравниться с Роальдом Далем в смелости, увлекательности, грубости и веселье», — писали критики. Его сравнивали с Дудочником из Гамельна, который, как гласит легенда, увлек своей дудкой все детское население этого немецкого городка... неизвестно куда. Зато известно, от чего он их увел — от скуки «добропорядочной» бюргерской жизни, от мещанского лицемерия, глупости и жадности. Сравнение-то оказалось точным!

Но для Даля книги для детей не были ни забавой, ни литературным хулиганством. Он написал их 17 — и в каждую вложил душу и привнес (в доступной детям форме) свои размышления о жизни, веселой и трагической одновременно.

Биография писателя не менее увлекательна и поучительна, чем его книги. Жизнь Даля была полна головокружительных и опасных приключений, удивительных побед и трагических поражений.

Роальд Даль родился 13 сентября 1916 года в Уэльсе. Его родители — норвежцы, переселившиеся в Великобританию. Когда мальчику исполнилось четыре года, умер отец. Это было первое жизненное испытание, за которым последовало много других. Но, может быть, самым серьезным из них, определившим и судьбу, и писательскую позицию Даля, стали годы, проведенные в печально известных своими жестокими порядками закрытых британских школах. Позже он назвал эти школы «величайшей пыткой в мире». Знаменитая мисс Транчбуль, мучившая Матильду, — вовсе не художественное преувеличение, а лишь реванш за детский страх и унижения. В школьные годы были отмечены успехи Роальда в спорте, но одновременно ему было прямо указано на полное отсутствие у него литературных способностей. На одном из школьных сочинений учитель написал: «Никогда не встречал ученика, который бы умудрялся писать полную противоположность тому, что думает. Он не в состоянии изложить на бумаге свои мысли».

Зато карьера после школы начиналась блистательно: Даль поступает на службу в нефтяную компанию «Шелл» и отправляется... в Африку!

В 1939 году начинается Вторая мировая война, и Даль становится военным летчиком. Позже он шутил, что выбрал военную авиацию потому, что служба во флоте требовала долгих отлучек из дома, а пехота предпо-

лагала слишком много маршировки. Увы, Даль вскоре попал в аварию, его самолет сгорел, а сам он угодил на больничную койку с тяжелейшими ранениями, которые давали о себе знать еще долгие годы.

В 1942 году Роальд Даль переходит на службу... в британскую разведку и отправляется в США. Да-да, он был самым настоящим шпионом под прикрытием, что впоследствии помогло ему написать сценарий для одного из фильмов о Джеймсе Бонде. Там же, в США, Даль начинает писать, и к нему приходит первый успех. Вначале книги Даля были изданы именно в США и лишь с отсрочкой на несколько лет появились в Великобритании.

В Америке Р. Даль сумел завести знакомство со многими знаменитостями — Эрнестом Хемингуэем (который в значительной степени повлиял на формирование литературного стиля молодого писателя), Джоном О'Хара, Леонардом Бернстайном и популярной актрисой Патрисией Нил, ставшей затем его женой. У них родилось пять детей. Но семейная жизнь Даля не была безоблачной, в ней было немало горьких и даже трагических моментов. Однако писатель обладал не только стойкостью и мужеством, но и удивительной способностью извлекать «полезное и доброе» из самых жестоких испытаний. Так, борясь с тяжелой болезнью мозга, поразившей его сына Тео, Даль изобрел уникальный клапан, который помогал удалять лишнюю жидкость. Писателю пришлось пережить смерть дочери и тяжелейшую болезнь жены: Патрисия долгие годы была парализована, но все же смогла найти в себе силы (при огромной поддержке мужа) и побороть недуг. Роальд Даль, сам изведавший горе и отчаянье, стремился по-

мочь оказавшимся в беде людям. Он организовал Фонд помощи больным с неврологическими и гематологическими заболеваниями, который существует и поныне.

Зная стойкость и мужество Даля, не удивляешься тому, что именно в самый мрачный период жизни он писал веселые детские книги — «Чарли и шоколадная фабрика», «Джеймс и Чудо-Персик». Его герои — дети-бунтари, восстающие против тирании и косности взрослых. Их протест порой принимает довольно жестокие формы, что не может не ранить «тонкие души» взрослых, а дети искренне, как и Даль, считают, что можно и нужно бороться за восстановление справедливости, используя оружие, которым блестяще владеет их любимый автор, — собственную фантазию. Роальд Даль умеет как никто другой поддержать в детях веру в свои силы и, не делая скидки на возраст, требует от них эти силы использовать — во имя правды, чести и добра.

Счастливейшей встречей стало знакомство писателя с английским иллюстратором Квентином Блейком, графический стиль которого — жизнерадостный, гротесковый и динамичный — наилучшим образом соответствует духу книг Даля. Именно Блейк создал иллюстрации к самой любимой книге Даля — повести о Большом и Добром Великане «БДВ». Квентин Блейк проиллюстрировал все детские книги Роальда Даля — именно с его иллюстрациями они сегодня выходят в издательстве «Самокат».

*Ольга Мязотс,
заведующая отделом детской литературы
Библиотеки иностранной литературы им. Рудомино,
переводчик, литературный критик*

*Эта книга —
для Оливии и Тессы*

Первые четыре года у Джеймса Генри Крузио была счастливая жизнь. Он жил себе с мамой и папой в прелестном доме на берегу моря. К его услугам всегда было полно других детей, с которыми он мог играть, пляж, по которому он мог бегать, и море, в котором он мог купаться. О лучшей жизни ребенку и мечтать не приходится.

Но вот однажды мама и папа Джеймса отправились в Лондон за покупками, и тут приключилась ужаснейшая история. Оба были неожиданно съедены, представляете себе — среди бела дня, на глазах у изумленной публики, — огромным злым носорогом, сбежавшим из Лондонского зоопарка.

Ну, нечего и говорить о том, как это ужасно сказало на обоих столь нежных и мягких родителях. Но в конечном счете Джеймсу повезло еще гораздо меньше, чем им. Их-то неприятности тут же и кончились: ровно через тридцать пять секунд они навек перестали огорчаться. А у бедного Джеймса, наоборот, только и начались неприятности. Абсолютно живой, он зато вдруг оказался один-одинешенек в огромном неприветливом мире. Прелестный дом на морском берегу пришлось сейчас же продать, и Джеймса с чемоданчиком, в котором ничего не лежало, кроме пижамки и зубной щетки, отправили к двум его тетушкам.

Звали их тетя Пика и тетя Плюха, и — увы! — должен признаться, обе были препротивнейшие особы. Две эти злые ленивые эгоистки с самого начала стали обижать и бить бедного Джеймса почти ни за что. Никогда они его не называли по имени, а обращались к нему не иначе как «Эй ты, хулиган», или «Эй ты, негодяй-мальчишка», или «Эй ты, дурак несчастный», и уж конечно, они ему никогда не дарили ни игрушек, ни книжек с картинками, так что ему и поиграть было нечем, и разглядывать было нечего, и комната у него была голая, как тюремная камера.

Жили они — тетя Пика, тетя Плюха, ну а теперь еще и Джеймс с ними вместе — в несклад-

ной такой развалюхе на вершине высокой горы на юге Англии. Гора была до того высокая, что почти с любого места в саду Джеймс видел далеко-далеко кругом живописные леса и поля. А в особенно ясную погоду, если смотреть в точности туда, куда нужно, он различал крошечную точку на горизонте — и это был тот самый дом, где он раньше жил со своими дорогими родителями. А прямо за этой точкой он видел море — длинной тоненькой темно-синей полоской, как чернилами выведенной по самому краю неба.

Но Джеймсу никогда не доводилось спускаться с этой горы. Ни тетя Пика, ни тетя Плюха ни

разу не удосужились взять его с собой на пикник или на прогулку, а одного его, конечно, никуда не пускали. «Лучше держать этого хулигана от греха подальше», — постановила тетя Пика. И его обещали строго наказать — например, на неделю целую оставить в погребке с крысами, — если он только посмеет хотя бы залезть на забор.

Сад, занимавший всю вершину горы, был большой и запущенный, и всего-то в нем и росло, не считая нескольких пыльных лавров в дальнем углу, одно-единственное старое-престарое персиковое дерево, уже давно не приносившее никаких персиков. Не было в саду ни качелей, ни

гигантских шагов, ни песочницы, и — никогда! никого! — из других детей не приглашали поиграть с бедным Джеймсом. Даже ни кошки не было, ни собачки — полное одиночество. А время шло и шло, и Джеймс делался всё печальней, он всё больше скучал, и каждый день он часами простаивал в глубине сада, с тоской глядя на дивный запретный мир лесов, и полей, и вод, волшебным ковром расстилавшийся перед ним.

☞ 2 ☞

Так жил Джеймс Генри Круизо со своими ужасными тетусками целых три года, пока наконец однажды утром с ним не приключилась довольно странная вещь. И вещь эта, которая, я говорю, была всего лишь *довольно* странная, скоро повела к другой, которая была уж очень даже странная. А эта *очень даже* странная вещь, в свою очередь, вызвала прямо-таки *немыслимо* странную вещь.

Началось всё это безумно жарким днем в разгаре лета. Тетя Пика, тетя Плюха и Джеймс были в саду. Джеймсу, как всегда, задали работу. На сей раз он должен был колоть щепки для растопки кухонной плиты. А тетя Пика и тетя Плюха уютно устроились в шезлонгах поблизости, потягивали шипучий лимонад большими стаканами и следили, чтобы Джеймс ни минуты не отдышал.

Тетя Плюха была низенькая и до невозможности толстая. У нее были крошечные свиные глазки, рот жирным бантиком и лицо такое белое и пухлое, как будто его слишком долго варили и переварили. И вся она была как громадный, белый, вялый, переваренный кочан капусты. Тетя Пика, наоборот, была тонкая, длинная и костлявая, и она носила очки в стальной оправе,

прикрепляя их к кончику носа скрепкой. Голос у нее был скрипучий, губы длинные, узкие, и стоило ей разозлиться или разволноваться, она начинала при каждом слове брызгать слюной. И вот две эти кошмарнейшие карги сидели, потягивали лимонад и то и дело покрикивали на Джеймса, чтобы он живее, живее, живее колот щепки. А еще они рассказывали друг дружке о себе, и каждая объясняла, как она прекрасна. Тетя Плюха держала на коленях зеркальце с длинной ручкой, и то и дело она поднимала его к глазам и разглядывала свою отвратительную физиономию.

«Мой вид и запах, я скажу,
Не хуже, чем у роз! —
Сказала Плюха. — Погляди
На мой чудесный нос!
На дивные мои глаза!
На сказочные волоса
И на волшебный рот!»

А Пика ей: «Но вот вопрос:
Как спрятать твой живот?»

Тут Плюха в слезы. Пика ей:
«Ну, посуди сама!
Что ты в сравнении со мной?
С моей чарующей красотой?»

Меня прекрасней в мире нет,
Я общей зависти предмет,
Я всех свожу с ума!»

«Кто спорит, — Плюха ей в ответ. —
Скелет и есть скелет.

Такой красавице, как я,
Дорога в Голливуд! —
Вскричала Плюха. — Там! меня!
С руками оторвут!
Я золотом набью карман,
Милльон сердец возьму в капкан,
Что звезды? Я! займу экран!
Я! покажу им класс!»

«Да, — был ответ, —
Роль ждет тебя.
И это Фантомас».

Бедный Джеймс все мучился над своей колодой. Жара была просто невыносимая. Он обливался потом. У него разболелось плечо. Топор был большой, и тупой, и чересчур тяжелый для такого маленького мальчишка. И Джеймс, не переставая работать, задумался обо всех других детях на белом свете и о том, что они, наверно, сейчас делают. Кто-то катается по саду на трехколесном велосипеде. Кто-то гуляет по прохладному лесу

и собирает цветы. А все его прежние маленькие друзья, конечно, на пляже, играют в мокром песочке или бултыхаются в море.

Крупные слезы закипели в глазах у Джеймса и покатались по щекам. Он опустил топор и облокотился на колоду, не в силах побороть свою тоску.

— Что это с тобой? — проскрипела тетя Пика, уставясь на него поверх своих стальных очков.

И тут Джеймс уж совсем расплакался.

— Немедленно прекрати реветь и продолжай свое дело, разгильдяй! — крикнула тетя Плюха.

— Ой, тетя Плюха! — прорыдал Джеймс. — И тетя Пика! Может, мы все втроем — *ну пожалуйста!* — съездим хоть разок на автобусе к морю? Это ведь совсем недалеко... А мне так жарко, так плохо, так скучно...

— Ах ты негодяй, ах ты ничтожество! — заорала тетя Пика.

— А ты его поколоти! — крикнула тетя Плюха.

— И поколочу, и поколочу, не волнуйся, — огрызнулась тетя Пика. И она уставилась на Джеймса, а Джеймс на нее посмотрел большими испуганными глазами. — Я тебя поколочу несколько попозже, когда мне не будет так жарко, — сказала она. — А пока убирайся с глаз моих долой, дай хоть немного от тебя отдохнуть!

Джеймс повернулся и побежал. Он бежал, он бежал со всех ног, и так он добежал до дальнего угла сада, где стояли те пыльные лавры, о которых мы уже упоминали выше. И там он закрыл лицо руками и горько-горько расплакался.

И вот тут-то с ним и случилась та самая первая вещь, та *довольно* странная вещь, которая повела ко всяким *гораздо более* странным вещам.

А именно: вдруг прямо у себя за спиной Джеймс услышал шорох листьев. Он оглянулся и увидел, как из-за лавровых кустов вышел

старичок в смешном темно-зеленом костюме. Был этот старичок маленький-маленький, зато голова у него была очень большая, а все лицо заросло черной густой бородой. Он остановился в трех шагах от Джеймса и стоял, опираясь на свою тросточку и пристально его разглядывая.

Наконец он заговорил — медленно-медленно, хриплым голосом.

— Подойди ко мне поближе, мальчик, — сказал старичок и пальцем поманил Джеймса. — Подойди совсем близко. Я покажу тебе кое-что чудесное.

Но Джеймс от страха не мог шелохнуться.

Тогда старичок сам подковылял чуть поближе, сунул руку в карман и вытащил оттуда белый бумажный пакет.

— Видишь? — шепнул он, осторожно поводя кульком перед глазами у Джеймса. — Знаешь ли ты, что это такое, мой милый мальчик? Знаешь ли ты, что в этом кульке?

А потом он подошел к Джеймсу совсем вплотную и так приблизил к нему лицо, что Джеймс услышал, как он дышит. И пахнуло на Джеймса холодом и чем-то таким затхлым, заплесневелым, как из старого погреба.

— Взгляни же, мальчик, — сказал новый знакомый Джеймса, открыл кулек и чуть-чуть его наклонил. И Джеймс увидел в кульке многое множество зеленых крошечных шариков, не то

камешков, не то зерен, и каждый шарик был примерно с рисинку величиной. И были они невероятно красивые и неслыханно яркие и как будто излучали какое-то сказочное сияние.

— Ты только послушай! — шепнул старичок. — Послушай, как они шевелятся.

Джеймс смотрел-смотрел на кулек, и вдруг — в самом деле! — он различил странный, едва уловимый шорох, а потом увидел, что тысячи этих зеленых шариков медленно, очень медленно шевелятся, вертятся, приближаются один к другому и отдаляются снова, как будто они живые.

— Эти шарики содержат больше волшебной силы, чем все остальное в мире вместе взятое, — тихо произнес старичок.

— Но... но... что же это такое? — выговорил Джеймс, наконец-то овладев голосом.

— Хе-хе, — шепнул старичок. — Тебе в жизни не догадаться!

Он слегка согнулся и наклонялся к Джеймсу все ближе, ближе, пока — буквально! — не ткнул его кончиком носа в лоб. Потом он вдруг отскочил и принялся как безумный размахивать тросточкой.

— Крокодильи языки! — кричал он. — Тысячу длинных гадких крокодильих языков кипятить двадцать дней и ночей в черепе мертвой ведьмы вместе с глазами ящерицы!!! Затем до-

бавить пальцы юной обезьяны, желудок пожилой свиньи, клюв старого зеленого попугая, дикобразный сок и три столовых ложки сахару. Затем еще неделю тушить на медленном огне, а луна довершит остальное!

И вдруг он сунул этот свой белый кулек Джеймсу в руки и сказал:

— На! Бери! Это тебе!

Джеймс Генри Круизо стоял, зажав в руке белый пакет, и во все глаза глядел на старичка.

— Ну вот, — сказал старичок. — А теперь послушай, что тебе надо сделать. Всего-то и надо взять большую кружку воды и всыпать туда все эти зеленые шарики. Потом, не спеша, постепенно добавь туда десять собственных волосков. И процесс пойдет! И все! И достаточно! Через несколько секунд вода вспенится, забурлит, и тут-то ты и должен ее выпить — мигом, одним глотком, всю до дна. И тогда, о, тогда, мой мальчик, ты почувствуешь, как она кипит у тебя в желудке, изо рта у тебя пойдет пар, и сразу же после этого с тобой станут происходить самые невероятные вещи, самые сказочные, самые немыслимые чудеса, и никогда, никогда в жизни ты больше не будешь несчастным. Ты же несчастный мальчик, ведь правда? Можешь не отвечать. Я сам про тебя всё знаю! Ну а теперь ступай и сделай, как я сказал. Только смотри, не рассыпь эти зеленые шарики! Потому что, если ты их рассыпешь, их волшебная сила уйдет на кого-то другого вместо тебя! А ведь ты такого не хочешь, правда, мальчик? *Что им первое попадется — будь то хоть клоп, словом, насекомое ли, животное, дерево, — на то и подействует волшебная сила!* Так что покрепче

держи пакет! Не порви бумагу! Ну, иди же!
Скорей! Не медли! Пора!

5

И мига не прошло, а Джеймс уже со всех ног мчался к дому. «Все эти штуки надо проделать на кухне, — соображал он на бегу. — Только бы тетя Плюха и тетя Пика не застучали». Он ужасно, ужасно волновался. Он бежал по высокой траве, через заросли жгучей крапивы и нисколько не беспокоился, что так ведь можно обстрекать голые коленки, но краешком глаза он видел, как в своих шезлонгах спиной к нему сидят тетя Пика и тетя Плюха. Вот он метнулся в сторону, чтоб их обогнуть и незаметно пробраться к дому, но вдруг, как раз когда мчал мимо персикового дерева, он обо что-то споткнулся и ничком, плашмя плюхнулся в траву. Кулек упал, развернулся, и тысячи зеленых шариков разлетелись во все стороны!

Джеймс поскорей встал на четвереньки, хотел собрать свои бесценные сокровища. Но что это? Все шарики — тут же! — исчезли! Он так и видел — буквально! — как они ввинчиваются, зарываются, впитываются в твердую землю. Он пробовал их удержать, пока не поздно, но они увертывались у него из-под пальцев. Кидался к одним шарикам, к другим — результат все тот же! Уж он ползал, уж он вертелся волчком,

сам не свой, но ничегошеньки-то у него не получалось. Только протянет руку к шарiku — тот исчезает в земле. И — не прошло и нескольких секунд — ни единого шарика не осталось!

Джеймсу очень хотелось расплакаться. Всё

пропало, всё погибло, всё кончено! Никогда, никогда, никогда, никогда ему больше тех шариков не видать!

Но куда же они подевались? Почему, почему они сразу так устремились вниз? Зачем? Там же, внизу, — там ничего нет! Разве что корни старого персикового дерева... Ну и еще всякие червяки, многоножки, жучки-паучки...

Так-то оно так, но — что говорил старичок? *Что им первое попадется, будь то хоть клоп, словом, насекомое ли, животное, дерево, — на то и подействует их волшебная сила!*

«Господи! — подумал Джеймс. — Что же будет, если им и вправду первым делом попадется червяк? Или многоножка? Или паук? Или вдруг они проникнут в корни нашего старого персикового дерева?»

— А ну вставай, лодырь! — раздался вдруг голос над самым ухом у Джеймса. Он поднял глаза и увидел, что тетя Пика, длинная, тощая и злая, смотрит на него сквозь свои стальные очки. — Живо иди щепки колоть! — приказала она.

Тетя Плюха, толстая и дряблая, как медуза, прошлепала к сестре — посмотреть, что такое случилось, и помочь ей советом.

— Может, посадим его в бадью, спустим в колодец и оставим там ночевать? — предложила она. — Сразу, надеюсь, отучится по целым дням лоботрясничать.

— Роскошная идея, милая Плюха. Только сперва пусть нам щепок наколет. А ну, живо убирайся отсюда, негодяй, и займись ты хоть чем-нибудь наконец!

Медленно, грустно бедный Джеймс поднялся и побрел к дровам. Ах, ну почему он упал и уронил драгоценный кулек! А теперь никаких, никаких надежд на лучшую жизнь у него не осталось. Сегодня, завтра, послезавтра, послепослезавтра, и так без конца — ничего, ничего не будет, только побои, обида, боль, пинки, тумачи, отчаяние и невзгоды.

Он взял в руку топор и собирался уже снова приняться за работу, как вдруг услышал за спиной у себя такой крик, что даже вздрогнул.

6

— Плюха! Плюха! Ну Плюха же! Иди скорей сюда! Смотри!

— На что смотреть-то?

— На персик! — вопила тетя Пика.

— На что?

— На персик! Персик! Во-о-он! На самой верхней ветке!!! Неужели не видишь?

— Ты, конечно, ошибаешься, моя милая Пика. На этом несчастном дереве в жизни никаких персиков не росло.

— Ну, а сейчас выросло!

— Дразнишься ты, что ли, милая Пика? Хочешь, чтоб у меня слюнки потекли, да? Господи, да это дерево и не цвело никогда, не то что плоды приносить! На самой верхней ветке, говоришь? Абсолютно ничего там не вижу. Хотя... Пстой... Да это же... О боже! Держите меня! Действительно персик!

— А какой большущий! — и тетя Пика облизнулась.

— Прелесть, прелесть! — вскрикнула тетя Плюха.

Тут уж Джеймс тихонько положил топор, оглянулся и посмотрел на своих тетушек, стоявших под старым персиковым деревом.

«*Сейчас, сейчас что-то будет*, — сказал он сам себе. — *Сейчас случится что-то необыкновенное*». Он понятия не имел, *что* это будет такое, но твердо знал: *что-то сейчас будет*. Это носилось в воздухе. Это чувствовалось по всему... по тишине, какая вдруг наступила, по насторожившемуся саду...

Тихонько, на цыпочках, Джеймс подошел к дереву поближе. Тетушки уже не разговаривали — стояли, смотрели на персик. Сад замер — ни шороха, ни ветерка, — и с лазоревой высоты глядело на все на это жаркое солнце.

— По-моему, он совсем спелый, — наконец нарушила молчание тетя Пика.

— Ну, и почему бы нам его не скушать, — под-

держала ее тетя Плюха, жадно облизываясь. — Разделим его пополам, а? Эй ты, Джеймс! Иди-ка сюда и полезай на дерево.

Джеймс послушно подбежал.

— Я желаю, чтобы ты сорвал во-о-он тот персик — на са-а-амой верхней ветке, — продолжала тетя Плюха. — Видишь?

— Да, тетя Плюха, вижу!

— Только не вздумай его пробовать. Мы с тетей Пикой решили сейчас же скушать его пополам. Ну, что же ты! Полежай!

Джеймс двинулся к дереву.

— Стой! — вдруг рывкнула тетя Пика. Она уставилась на дерево, разинув рот, и глаза у нее прямо выпучились, как будто она привидение увидала. — Смотри, Плюха! Смотри! Да ты посмотри только!

— Что это с тобой? — удивилась тетя Плюха.

— Он растет! — крикнула тетя Пика. — Он делается все больше! Все больше! Все больше!

— Кто растет?

— Кто-кто! Да персик же!

— Смеешься!

— Смотри сама!

— Но, моя милая Пика, это ведь просто смешно. Это же противоестественно. Это же... это же... ой, погоди-ка... нет-нет... быть того не может... Нет... Да!.. Ой, не могу! Держите меня! Он растет!

— Он уже вдвое увеличился! — вопила тетя Пика.

— Но такого не бывает в природе!

— Значит, бывает!

— Видимо, это чудо какое-то!

— Да ты смотри, смотри!

— А я что делаю?!

— Умереть мне на этом месте! — взвизгнула тетя Пика. — Я буквально вижу, как он неприлично вздувается и пухнет прямо у меня на глазах.

7

Две тетки и маленький мальчик стояли под деревом и не отрываясь смотрели на удивительный фрукт. Лицо у Джеймса все горело, а глаза у него стали огромные и сияли, как две звезды. Он видел, как персик растет, растет, как будто кто-то изо всех сил надувает воздушный шар.

В два счета он стал как арбуз!

И сразу же еще! вдвое! вырос!

— Смотрите, смотрите! — орала тетя Пика.

— Может, хватит уже? Пора прекратить, прекратить! — кричала тетя Плюха, и она приплясывала и размахивала толстыми ручищами.

Вот он стал уже совершенно как повисшая на верхушке дерева громадная румяная тыква.

— Отойти от дерева, балбес, — взвизгнула тетя Пика. — Его чуть тряхни — он же свалится! А он кило двадцать весит, не меньше!

Ветка, на которой рос персик, все больше и больше гнулась под такой тяжестью.

— Отойти, тебе говорят! — орала тетя Плюха. — Сейчас упадет! Сейчас подломится ветка!

Но ветка не подломилась. Она только гнулась,